

УДК 271.2:2-557(470.2)

**ПОГРЕБЕНИЕ ПО ПРАВОСЛАВНОМУ ОБРЯДУ
В ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности погребения по православному обряду на севере России. Выявлено, что осуществление обрядов, связанных с похоронами, находилось под устойчивым воздействием церковного законодательства, а также ряда правовых актов, регламентировавших деятельность полиции и системы здравоохранения. Существенным фактором стали местные природные и климатические условия, в течение длительного времени препятствовавшие провозу тел умерших до кладбищ при приходских церквях. Определенное воздействие на порядок погребения оказывали местные традиции, устоявшиеся нормы поведения, нередко противоречащие юридическим правилам и церковному чину погребения.

Ключевые слова: погребение, Церковь, духовенство, миряне, законодательство, храм, кладбище.

**BURIAL ACCORDING TO THE ORTHODOX RITE
IN THE OLONETS DIOCESE (18TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

Pulkin M.V.

The article considers the main patterns of burial according to the Orthodox rite in the North of Russia. It was revealed that the implementation of funeral rites was under the steady influence of church legislation as well as a number of legal acts regulating the activities of the police and the health system. The local natural and climatic conditions, which for a long time prevented the transportation of the bodies of the deceased to cemeteries at parish churches, were a significant factor. Local traditions and well-established norms of behaviour, which often contradict legal rules and the church burial rite, had a certain impact on the burial order.

Keywords: burial, Church, clergy, laity, legislation, temple, cemetery.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

В течение изучаемого периода отпевание и погребение представляли собой многосоставной церковный чин, в разных пропорциях включавший как элементы православного похоронного ритуала, так и «многочисленные обряды и поверья, сохранившиеся от дохристианских традиций» [8, с. 73]. В трудах предшественников, обращавшихся к рассматриваемой проблеме, особенно настойчиво подчеркивается преобладающее значение дохристианской обрядности, бесспорно присутствовавшей при погребении в ряде местностей России, в том числе и в Олонецкой губернии [9, с. 183-194]. Так в научной литературе настойчиво формируется не вполне соответствующая реальности картина, в которой крестьяне, усердные строители множества церквей и часовен (в том числе кладбищенских), объявляются приверженцами языческого мировоззрения, лишь в силу необходимости поддающимися принуждению и изредка участвующими в церковной жизни. Выявить действительное положение дел позволяют немногочисленные, но вполне информативные документы органов церковного управления и крестьянские прошения.

Задача данной статьи заключается в выявлении особенностей христианских обрядов погребения в приходах Олонецкой епархии, а также возникавших при осуществлении погребений трудностей правового (исполнения требований закона) и практического характера.

Основным источником для изучения погребения послужило делопроизводство духовной консистории, в котором любые особенности похорон фиксировались крайне редко, случайно и скупо. Ценность источников, так или иначе связанных с описанием погребения, сильно снижается тем обстоятельством, что все имеющиеся документы фиксируют только те похороны, которые происходили с явными нарушениями, без участия

церковно- и священнослужителей. Если погребение соответствовало православной обрядности, то необходимость начинать следствие и вести документацию отпадала. Исследователь в таком случае лишается значительной части необходимых аргументов. Преодолеть недостаток источниковой базы можно несколькими способами. Во-первых, путем поиска и использования таких свидетельств, в которых отказ от обряда погребения трактуется как постоянное, привычное, широко распространенное явление. Во-вторых, здесь важно учитывать даже единичные свидетельства об отношении к погребению по православному обряду, проявляемому прихожанами. Их позиция, взаимный контроль на приходе – важное условие соблюдения всех обрядов. В-третьих, необходимо обратиться к делам о вымогательствах. Выплаты духовенству, превышающие законодательно определенные нормы, оставались возможными в том случае, если сами крестьяне воспринимали погребение при участии священника как важное, обязательное дело. Обратимся к фактам.

Первые подробные сведения о сложившемся в епархии порядке погребения относятся к 1766 г. Олонецкая духовная консистория «промеморией» информировала воеводу о недопустимых нарушениях церковных обрядов. Как говорилось в документе, «издревле и вновь построенных часовен в каждом приходе не точию в отдаленных от церквей местах, но и в близости к церквам прилежащих немалое число имеется, *при которых и мертвые тела погребают* (курсив наш – М.П.)». Консистория предписывала «умерших крестьян, их жен и детей мертвых, при состоящих в волостях и деревнях часовенных кладбищах без ведома священников отнюдь никому ни под каким видом не погребать». Следовало «относить оные мертвые тела всем для такового погребения по церковночиноположению к святым церквам» [14, л. 1].

Информация из «промемории» подтверждается близкими по времени создания записками путешественников – непосредственных очевидцев событий. Французский ученый Жильбер Ромм, являвшийся в то время воспитателем юного графа Павла Строганова, проезжая в 1784 г. через

Олонецкую епархию, отмечал: «Если кто-нибудь из них (олонецких крестьян – М.П.) умирает, они обмывают его, одевают в рубашку, в кальсоны, надевают ему сапоги и по верх всего тела – нечто вроде савана, который окутывает также голову и ноги; они сами относят его в часовню, и они погребают его без священника и причта» [26, с. 183].

Путешественник не указывал причины, побуждавших крестьян систематически отказываться от услуг церковно- и священнослужителей. Источники позволяют выявить целый комплекс факторов. Во-первых, значительные расстояния между приходскими селениями и храмами, как подчеркивалось выше, оказывали ощутимое воздействие на исполнение «мирских треб» и в целом на всю деятельность пастыря [25, с. 38]. Особенно сильно затруднялись похороны по церковному обряду в обширных приходах. Ведь даже незначительное, по местным меркам, расстояние, судя по крестьянскому прошению в адрес Синода, оставалось труднопреодолимым в течение длительного времени.

Например, крестьяне деревни Росляковской Пудожского погоста обратились в 1780 г. в Синод с просьбой о разрешении построить церковь взамен имевшейся в деревне часовни «для того, что деревня Росляковская от приходской Пудожского погоста церкви в пяти верстах и во время вешнее за разлитием вод в провозе до Пудожского погоста мертвых тел бывает великая нужда» [19, л. 2]. Как видно из указа Синода, там тоже считали, что расстояние в пять верст огромно и явно не позволяет крестьянам провозить покойников к церкви. В Петербурге решили «к означенной часовне алтарь в рассуждении прописанных в сем доношении резонов пристроить дозволить, с тем, чтоб сия церковь особливою не числилась, а почиталась принадлежащей к Пудожскому приходу вместо кладбищенской» [29, л. 17]. В значительном числе приходов Олонецкой епархии расстояния оставались большими. Проблемы с осуществлением обрядов испытывало и приходское духовенство. Один из священников, современник событий, описывал возникавшие перед его коллегами повседневные проблемы: «отслужит священник в своем приходе в

воскресенье или праздник утреню, обедню, а затем едет 20 верст под проливным с ветром дождем, по избитой до невозможности, промерзлой, местами гористой дороге, исправит требы и опять домой тем же поездом с тою же скоростью, под тем же благодатным дождем и пронизывающим ветром» [13, с. 47].

Длительные отлучки священников с приходов также приводили к тому, что погребение не совершалось должным образом. Если свадьбу можно отложить, то с похоронами медлить нельзя. Крестьянин Селецкого погоста Василий Артемьев на допросе в канцелярии Паданска в 1775 г. утверждал, что «за отлучкою священника <...> неведомо куда, коего хотя для отпевания и погребения по церковному чиноположению умершего в минувшем месяце отца своего Артемия Исакова ждал две недели, но не мог дожидаться, для чего уже от того тела стал происходить смрад, то я ево без одного священника и погреб в земле» [17, л. 6]. Практика требоисполнения, сложившаяся к концу XVIII в., сама по себе способствовала тому, что крестьяне рассматривали погребение не как неизменный, устоявшийся, а напротив – как зависимый от ситуации обряд. Церковно- и священнослужители постоянно нарушали «благолепие». Судя по рапорту Олонецкой духовной консистории, в 1795 г. бытовал следующий порядок исполнения «мирских треб»: «тела погребают при каждом селении в полях без исповеди и священнического отпевания». Когда священники «ездят по уезду, тогда и делают над погребенными в могилах отпевание по церковному положению» [23, л. 41]. Аналогичную картину наблюдал французский ученый (а в то время воспитатель юного графа Павла Строганова) Жильбер Ромм в 1784 г. Он писал: «Когда среди года появляется священник для сбора небольшой дани (руги – *М.П.*), которую ему обязан уплачивать каждый крестьянин, он заодно посещает могилу и совершает молитву над теми, которые ее не получили. От погребения до молитвы проходит иногда полгода, а иногда и год» [26, с. 183].

В XIX – начале XX вв. законодательство по вопросам о погребении стало более детальным, но его сущность по сравнению с предшествующим столетием

изменилась незначительно. Согласно закону, священник не имел права «уклониться от погребения умершего» [33, с. 276]. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (1886 г.), любой иерей, который «будет уклоняться от погребения умершего, не имея к тому причин законных, подвергается за сие исправительному наказанию по распоряжению своего духовного начальства» [31, с. 349]. Новый порядок погребения предусматривал, наряду со священниками, участие медиков, в обязанности которых входила констатация смерти и установление ее причин [31, с. 276]. В начале XIX в. в делопроизводстве появляются описания случаев, когда порядок погребения ставится в зависимость от решения судебных инстанций и итогов расследования преступления. В 1800 г. в ответ на просьбы крестьян Шеменского прихода «о зарытии убитого тела Исаака Васильева в земле по причине нынешнего вешнего времени, приказом предписано оное тело допустить к церкви с зарытием в землю без надгробного отпевания, покуда из земского суда не представят сообщения об отпевании» [28, л. 3].

Существенное значение для исследования обстоятельств погребения имеет та часть дел из архива духовной консистории и Синода, в которых речь идет о вымогательствах. Источники не позволяют прийти к однозначному выводу. С одной стороны, как видно из сообщения Сенату, Синод поручил епископу Олонецкому и Каргопольскому Антонию расследовать дело о вымогательстве денег у прихожан священником Архангельской волости Каргопольского уезда Василием Ивановым, который обвинялся в «непогребении долговременно мертвых тел, желая себе получить взятки». Страшная картина множества гробов с мертвецами, напрасно ожидающими погребения, потрясла Синод. Случай стал прецедентом, на основании которого по всем епархиям разослали «наикрепчайшее подтверждение» о «неделании подобных худых поступков» [30, с. 636]. Есть другие примеры. Как видно из промемории Паданского комиссарского правления, крестьянин Олонецкого погоста в 1775 г. явился к священнику с просьбой об «отпетии и погребении утонувшей в озере жены» и вручил священнику плату – 50 копеек (как и во

всех подобных случаях, в несколько раз больше установленных в законе размеров). «Но оной священник реченного мертвого тела не погреб», требуя «еще в прибавок два рубля». Крестьянин платить отказался и «оное мертвое тело и без церковного чиноположения погреб в земле» [15, л. 43]. В 1815 г. один из местных старообрядцев обратился к священнику с просьбой о погребении его матери, не принадлежавшей к старообрядческому движению. Священник потребовал за совершение обрядов огромную плату в пятьдесят рублей, «но он, Петров, на сие не согласился», что привело к длительному разбирательству [16, л. 39]. В 1825 г. крестьянин из деревни Пертнаволока Кончезерского прихода обратился к местному священнику с просьбой о погребении дочери, но договориться не удалось. В результате крестьянин отвез труп назад «для погребения в своей деревне при часовне, где с исстари имеется кладбище» [18, л. 1].

Во второй половине XIX в. сохранились сходные закономерности. В 1875 г. к священнику Палтожского прихода о. Федору явился местный крестьянин М.П. Сергеев. Он просил отслужить молебен и по-христиански похоронить своего дядю, но получил отказ. Как он писал впоследствии в прошении, «пастырь духовный начал первоначально торговаться со мною за погребение», требуя не только плату деньгами, но и корову. Посоветовавшись с односельчанами, крестьянин «с тяжкою обидою и стыдом» оставил гроб на церковной паперти и отправился домой. Видя решимость и непреклонность просителя, священник согласился похоронить умершего, хотя так и не отслужил по нему обедню [21, л. 1]. Но, с другой стороны, имеются и примеры обратного характера. В некоторых случаях крестьяне уступали домогательствам священника и вносили требуемую плату. Крестьяне Нигижемского прихода, которые вносили требуемые значительные суммы за венчание, иначе относились к погребению. В прошении, адресованном Синоду, миряне указывали: «некоторые и помирают без исправления над ними по долгу христианскому нужных церковных обрядов». После смерти они «остаются по

долгому времени без погребения, пока оной священник с причетники не получают <...> вышеизъясненных своих непомерных запросов» [20, л. 2].

Законодательные акты и материалы консисторского делопроизводства второй половины XIX в. подтверждали устоявшийся порядок. Согласно высочайшему повелению от 6 августа 1862 г., «самовольно совершать погребение умерших без церковного отпевания» строго запрещалось [5, с. 79]. Духовные власти не позволяли священникам «удостаивать погребения христианского» нераскаявшихся старообрядцев даже в том случае, «когда бы гражданское правительство требовало или родственники умершего пожелали сего» [11, с. 92]. В отношении старообрядцев, имеющих собственные кладбища, власть была настроена значительно менее сурово. В 1865 г. «уполномоченный от раскольников» крестьянин Никита Макарьев обратился к обер-прокурору Синода с прошением «о восстановлении существовавшего с издавна раскольнического кладбища». Рассмотрев дело, Синод выяснил, что в Туксинском приходе «с давних лет» существовало «обнесенное оградой раскольническое кладбище». В 1854 г. его закрыли «по словесному приказанию бывшего губернатора вследствие настояний духовного начальства». При принятии решения Синод ссылался на закон, позволявший «раскольникам» хоронить умерших на особом кладбище. Как говорилось далее в документе за подписью графа Дмитрия Толстого (на тот момент обер-прокурора Синода), «восстановление раскольнического кладбища в Туксинском погосте не может иметь вредных последствий на усиление раскола». Следовательно, нет препятствий и к удовлетворению ходатайства местных старообрядцев [12, л. 1-2].

Локальные традиции, связанные с погребением, сохранялись неизменными в XVIII-XIX вв. По сообщениям благочинных Олонецкой епархии, «в отдаленных от приходских церквей деревнях во время распутицы мертвые тела предаются земле без христианского отпевания» [2, с. 184]. Современные исследователи данного вопроса подчеркивают типичность такой ситуации [1, с. 68]. Сообщения с мест содержат сходную информацию. В

описании Гимольского прихода Повенецкого уезда встречаются недвусмысленные указания на отсутствие общего для всего прихода кладбища. В каждой из деревень имелось «свое собственное кладбище, куда и хоронят умерших из тех деревень». Причиной существования множества кладбищ современники считали «отдаленность деревень от церкви и друг от друга, а также неудобство путей сообщения» [10, с. 226]. Судя по описанию деревни Варлоев Лес, составленному в 1910 г., «имея у себя при часовне кладбище, родственники покойного и не везут его на погост в Ведлозеро, но хоронят на месте» [32, с. 15-16]. В Вытегорском уезде, по данным начала XX в., длительное время «хоронили без священника, и умершие иногда оставались без отпетия по несколько недель и даже месяцев» [34, с. 686]. Эти особенности приходской жизни отмечаются и современными этнографами, которые предлагают собственное объяснение. По данным авторитетного исследователя карельской погребальной обрядности Ю.Ю. Сурхаско, у карелов, в отличие от финнов, кладбища имелись при каждой деревне, поскольку «мертвые родичи нужны были живым, чтобы пользоваться их покровительством и помощью» [27, с. 89]. Сталкиваясь с законами, традиция погребения умерших неподалеку от тех домов, где прошла их жизнь, выдержала испытание и явно победила.

Ю.Ю. Сурхаско отмечает, что «основная масса карельского народа относилась к фактам похорон без попов как к вполне обычному явлению» [27, с. 79]. Детей нередко хоронили без соблюдения православной обрядности, мотивируя отказ от услуг священника экономией средств [6, с. 57]. Чаще всего обряд погребения осуществлял «кто-нибудь из односельчан, наиболее сведущих в церковной (в том числе старообрядческой) погребальной обрядности» [27, с. 81]. Иногда погребение без участия священника совершалось без всякой видимой причины. В 1822 г. на эту проблему указывали крестьяне Ухтозерского прихода. Местный священник «крестьянскую девицу неотпетую приказал положить в землю, а сказал: "После отпою"», но так и не явился для совершения обряда [22, л. 1]. Во второй половине XIX столетия подобные нарушения сохранялись. В 1886 г.

церковного старосту Василия Голдобина погребли на кладбище при церкви, а «отпетие» происходило уже над свежей могилой. Узнав о происшествии из рапорта местного священника, духовная консистория распорядилась «послать указ причту означенной церкви с предписанием делать увещания вдове о необходимости погребения умерших по чину православной церкви» [3, л. 2-3].

В течение всего изучаемого периода, в том числе и в конце XIX – начале XX вв., от погребения с участием священника отказывались старообрядцы. Повенецкий благочинный в середине XIX в. обнаружил в Паданском приходе «тайного раскольника», который постоянно «занимается исповедию, крещением младенцев, отпеванием и распространением раскола». Судя по рапорту причта Кондопожского прихода, в 1892 г. крестьянин деревни Улитиной Новинки самовольно похоронил свою родственницу при часовне святителя Николая, «при коей издавна находится кладбище» [24, л. 1-2].

Законы рубежа XIX-XX вв. разрешали «погребение умерших раскольников» на «отдельных местах при общих кладбищах», а также «творение на кладбище молитвы по приятым у раскольников обрядам, с пением, но без употребления церковного облачения» [4, с. 99]. По данным миссионерского отчета, составленного в 1912 г., приверженцы «древлего благочестия» «хоронят своих умерших на общих православных кладбищах в особо отведенных углах». Старообрядцы-странники зарывают своих умерших «в лесах, гумнах, огородах в сидячем положении» [7, с. 3].

Таким образом, погребение по церковному обряду имело в глазах олонецких крестьян гораздо меньшее значение, чем другие церковные обряды (в частности, венчание). Доказательством здесь служат дела о вымогательствах при совершении церковных обрядов. В том случае, если священник предъявлял завышенные требования, обряд совершался без участия духовенства. Причина заключается в том, что погребение, с точки зрения крестьян, не имело практического значения. Постепенно нарастающий объем законодательных требований церковного, медицинского и полицейского характера не смог существенно повлиять на ситуацию. Порядок погребения существенно

трансформировался под влиянием староверов, которые предлагали свои варианты осуществления погребального обряда. Имелись и более простые житейские, практические объяснения. Перевозка покойников по бездорожью оставалась на протяжении большей части года неосуществимой. Между тем промедление при захоронении в том случае, если священник отсутствовал или предъявлял непомерные требования, было недопустимо.

Список литературы:

1. Бондарькова Ю.А. К вопросу о соотношении православного канона и народных поверий в погребальном обряде Русского Севера // *Христианство и Север: Сб. статей*. М.: [б.и.], 2002. С. 68-72.
2. Вениамин, иеромонах. Преосвященный Аркадий, архиепископ Олонецкий, как деятель против раскола. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1901. IV, 251 с., 1 л.
3. Выписка из журнала консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 8. Д. 29/7. Л. 2–3.
4. Законы о раскольниках и сектантах с разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената, циркулярами Министра внутренних дел, правилами о метрических книгах и об устройстве миссии и способ действия миссионеров и пастырей церкви, с извлечениями из нового Уголовного уложения, высочайше утвержденного 22 марта 1903 года. М.: Изд. А.Ф. Сорова, 1903. 226 с.
5. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями: справочная книга. СПб.: Синод. тип., 1883. VI, IV, 365 с.
6. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.

7. Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства // Олонецкие епархиальные ведомости. № 22. 1912. С. 3-11.

8. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян в XIX-XX вв.: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 71-83.

9. Минвалеев С.А. Представления и обряды православного происхождения в похоронно-поминальной обрядности карел-людигов и их динамика // Финно-угорский мир. 2019. № 2. С. 183-194.

10. Надпорожский П. Гимольский приход, Повенецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 6. С. 225-233.

11. О том, какого рода старообрядцев удаивать христианского, по чиноположению Церкви, погребения // Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. 2: 1801-1858. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1860. С. 92-94.

12. Отношение обер-прокурора Синода о старообрядческом кладбище в Туксинском погосте // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 8. Д. 13/36. Л. 1-2.

13. Петров Ю. К вопросу о входящих священниках // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 2. С. 47-48.

14. Промемория Олонецкой духовной консистории // Российский государственный архив древних актов. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1971. Л. 1.

15. Промемория Паданского комиссарского правления о крестьянине Олонецкого погоста // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 652. Оп. 1. Д. 4/66. Л. 43.

16. Протокол допроса крестьянина Петрова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 1. Д. 69/553. Л. 39.

17. Протокол допроса крестьянина Селецкого погоста Василий Артемьева в канцелярии города Паданска // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 3. Д. 58. Л. 6.

18. Прощение крестьянина деревни Пертнаволока Кончезерского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 91/2. Л. 1-1 об.
19. Прощение крестьян деревни Росляковской Пудожского погоста в Синод // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 64. Д. 161. Л. 2.
20. Прощение крестьян Нигижемского прихода // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 76. Д. 20. Л. 2.
21. Прощение крестьянина Палтожского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 72/37. Л. 1-1 об.
22. Прощение крестьян Ухтозерского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 31/32. Л. 1.
23. Рапорт Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 652. Оп. 1. Д. 4/66. Л. 41.
24. Рапорт причта Кондопожского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 34/3. Л. 1-2.
25. Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 255 с.
26. Ромм Ж. Путешествие к Белому морю в 1784 году // Север. 2007. № 1-2. С. 176-192.
27. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 172 с.
28. Указ Олонецкого земского суда крестьянам Шеменского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 3.
29. Указ Святейшего Правительствующего Синода о строительстве приписной церкви в Пудожском приходе // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 64. Д. 161. Л. 17–18.
30. Указ Святейшего Правительствующего Синода о сообщении Правительствующему Сенату, что Преосвященному Олонецкому сделано предписание расследовать дело о священнике Василии Иванове, обвиняемом в вымогательстве денег за погребение, а также о том, что сделано общее

распоряжение по всем епархиям о предупреждении подобных проступков духовенства // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. Т. 1. СПб.: Синод. тип., 1910. № 533. С. 636-637.

31. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Унив. тип., 1901. С. 336-349.

32. Успенский П. Деревня Варлоев Лес, Олонецкого уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 23. С. 15-16.

33. Устав врачебный // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Унив. тип., 1901. С. 271-306.

34. Чесноков Г. Двадцатилетие со дня освящения Тагажмозерской Николаевской церкви, Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 30. С. 686-687.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department,

Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.